

Юлия Крашенинникова

Символика цвета в русских свадебных приговорах¹

В числе кодов, которые реализуются в текстах традиционной культуры, исследователи выделяют цветовой код (см., например: [Раденкович 1989])², отмечая, что посредством цвета может быть описан текст традиционного обряда в целом (применительно к погребальному обряду см.: [Микитенко 2007: 23]). Свадьба «насыщена» цветом, это очевидно из многочисленных этнографических очерков и публикаций, посвященных изучению обряда: хроматические характеристики указываются при описании одежды и аксессуаров участников ритуала, предметного ряда и пр.³ Колористический «словарь» поэтической составляющей ритуала включает цветообозначения, использование которых неслучайно: они в комбинации с другими поэтическими средствами передают идею свадебного ритуала — осуществить «переход» жениха и невесты в другую социальную группу, закрепить за ними новый статус и декларировать это событие (о ритуале см.: [Байбурин 1993: 65 и след.]).

Юлия Андреевна Крашенинникова
Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
Сыктывкар,
krashennnikova@rambler.ru

¹ Некоторые положения и наблюдения, в частности касающиеся символики синего цвета в жанре свадебных приговоров, представлены в отдельной работе [Крашенинникова 2011].

² Выражаю свою искреннюю благодарность Л. Раденковичу за соображения и ценные советы, высказанные при обсуждении работы.

³ См., например, работу Г.С. Масловой об обрядовой восточнославянской одежде [Маслова 1984] и отдельный раздел в этой работе, выполненный И.И. Шангиной и посвященный описанию коллекции обрядовой одежды в фондах РЭМ [Шангина 1984] и др.

Очевидно, что цветовая палитра в разных фольклорных жанрах неоднородна и различается набором и степенью репрезентативности цветowych элементов, их моно- и многозначностью. Это в полной мере касается и свадебного текста, поскольку он представлен двумя голосами — сторонами невесты и жениха (о свадьбе как диалоге двух партий в структурно-семиотическом аспекте см.: [Левинтон 1991]), которые отличаются «содержательно: системой оценок, точкой зрения, отдельными мотивами» [Там же: 213]; соответственно и колористические характеристики в разных свадебных жанрах могут иметь различную символическую нагрузку.

Наши наблюдения строятся преимущественно на материале свадебных приговоров: по большей части дружек («мужской» текст свадьбы), поскольку они хорошо представлены в публикациях и архивных материалах; в меньшей степени приговоров девушек (текст подруг невесты), имеющих локальное распространение; совсем малая доля участия — приговоры сватов и гостей, так как они практически «бесцветны», к тому же количество этих текстов незначительно. Корпус текстов составили как опубликованные, так и архивные записи, датированные первой половиной XIX — концом XX в.; привлечение других жанров, не только свадебных, а также этнографических свидетельств обусловлено желанием показать в ряде случаев уровни схождения и различия цветowych значений. Мы не задавались целью представить точные количественные данные (число используемых в работе текстов, количество употребления того или иного цветообозначения, хотя такие сведения показательны — об этом скажем ниже).

Первоначально тексты анализировались с точки зрения упоминания в них цветов, составляющих триаду «белое — красное — черное», и идеи о преобладании красно-золотой гаммы, характерной для восточнославянской свадьбы в целом. Оказалось, что цветовая палитра свадебных приговоров более разнообразна: в текстах зафиксированы красный, синий, алый, белый, голубой, черный, зеленый, желтый, малиновый. Однако при всем «разноцветье» колористические характеристики употребляются с разной интенсивностью и регулярностью: из перечисленных цветообозначений более частотны *красный* и *синий*.

Красный. Исследователи отмечают продуцирующую символику красного в свадебном обряде (в частности: [Белова 1999а: 647–648]), вторичность цветового значения красного в свадебных текстах [Левинтон 1988: 152]: красный с его оценочной семантикой ‘красивый, прекрасный, превосходный, лучший, отличный’ [СРЯ XI–XVII вв. 1981 VIII, XIX; Даль 1995 II: 187;

Срезневский 2003 I: 1318] представляет собой общую положительную характеристику лиц, предметов, свойств, явлений и действий, выделяющих их среди других [СРЯ XVIII в. 1998 X: 239–240].

В приговорах дружек эпитет *красный* получают детали одежды свадебных персонажей (молодых замужних женщин, жениха, сватья жениха) или дары, которые передаются невесте от жениха¹. У молодых замужних женщин — «тетушек-молодушек», «молодых молодлиц» — «красные платья», «красные кокошнички», «красные платки»: «Всем бью челом да низкий поклон, особенно вам, <...> молодлицы молодушки, красны кокошнички» [Ефименко 1877: 86]; «Молодые молодушки, / Купеческие жены, / Умильные взгляды, / Красненьки платочки» (Архив РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 94–95. Новгородская губ., 1895 г.) и др. В числе даров невесте преподносят «красную фату», «красные башмаки»: «Подарки несем: / Белое платье, красная фата, чистое не мутное зеркальцо» (СыктГУ: РФ 0408. С. 64–65. Архангельская обл.); «[свахонька] Взяла ли тонки белы чулки, красные башмаки, белые белила, красные румяна?» (РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 78. Тетр. № 4. Л. 49об. Костромская губ., 1902 г.; вар.: [Тронин 1895: 231]); «Благословите к невесте сходить с куньей шубкой, с красными башмачками, с белошелковыми чулочками» (Архив РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 6. Вятская губ., 1850-е гг.) и др.

С меньшей регулярностью красный встречается в портретных описаниях других участников свадьбы, например жениха и его сватьи:

Наш князь молодой
Жив и здоров и благополучен,
Стоит на вашем широком дворе
<...>
В красной рубашке,
В синем кафтане,
В суконном тулупе,

¹ Попутно несколько слов относительно красного цвета в обрядовой одежде и аксессуарах. Г.С. Маслова отмечает его превалирование во второй части свадьбы, обязательное использование в одежде многими свадебными чинами деталей красного цвета. В частности, невеста переодевалась после венца в красную юбку или красный сарафан; сватья, дружка, жених подпоясывались красными поясами, жених накидывал на плечи красный платок; после подклета присутствующие украшали себя красными бантами из кумача; упоминаются красная фата, красная юбка невесты и пр. [Маслова 1984: 32, 34, 40–41, 70 и др.]. На второй день свадьбы красные ленточки привязывали дружке, ими украшали свадебный кортеж и дом, в котором происходил обряд (РГАЛИ. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 50. Л. 96. Нижегородская губ., 1920 г.). В экспедиционных материалах последних лет, записанных на Русском Севере, также фиксируются сведения о наличии в облачении участников ритуала деталей красного цвета: например, у дружек — красные пояса (СыктГУ: 13150-38, Прилузский р-н Республики Коми), после первой брачной ночи жених с невестой украшали себя чем-то красным (возможно, ткань, полотно (?); в интервью букв.: «накинут красное») (СыктГУ: 2215-89, Опаринский р-н Кировской обл.) и др.

Красном шарфе,
 Каракульской шапке.
 [Васнецов 1894: 286–287]

А у нашей у сватеньки,
 Башмачки бархатны,
 Чулочки войлочные,
 Шубка атласна,
 Кушаки красны,
 Выпушка боброва,
 Фата-то шелкова.
 [Ордин 1896: 93]

От стороны невесты дружка просит «кумачу на красную рубаху» [Лысанов 1916: 88] или требует для жениха рубаху в качестве выкупа, если невесту не выведут к поезжанам:

Как у этого двора
 Подворотенка пола,
 Заскочила куна.
 Отдайте куницу.
 Не отдадите куницу —
 Отдайте сто рублей штрафа,
 Не отдадите сто рублей штрафа —
 Отдайте жениху красную рубаху.
 [Русская свадьба 2001: 280, № 539.
 Подосиновский р-н Кировской обл.;
 вар.: Ивановский 1881: 49]

В приговорах зафиксированы два оттенка красного — *алый* и *малиновый*. Темно-красный, *малиновый*, отмечен в единственной записи, сделанной в 1917 г. в Вятской губ.: в числе предметов одяния поезжан упоминаются «кушачки малинового цвету» [Аргентов 1941: 101]. *Алый*, более светлый тон красного или ярко-красный [Словарь синонимов 1970 I: 490; Ожегов 1987: 23; Даль 1995 I: 12; Срезневский 2003 I: 20], присутствует в описании невесты и ее девичьего окружения: у девушек «алые платочки» [Кузнецов 1902: 6–7, 17]; у невесты «алые ленты», которые дружка просит «вывязать из трубчатой косы», «побросать в грязь», «сейчас же подарить» [Аргентов 1940: 177, 178]¹. С большей регулярностью сочетание «алые ленточки» употребляется в приговорах, которые произносились девушками и сопровождали вынос свадебного дерева — «девией красоты». Речь идет о небольшом по размеру деревце (березка, ель или верхушка ели), символизировавшем «девью

¹ Поэтические «требования» «побросать (вар.: потоптать, подарить) алы ленточки» отсылают к описаниям обряда: выплетенные ленты невеста дарит своим подругам (например, ИЯЛИ: ВФ 1528–23, Прилузский р-н Республики Коми, 2004); после исполнения на девичнике причитания, сопровождавшего расплетание косы, невеста хлестала выплетенными лентами подруг [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 152, Вологодская обл.].

волю», которое девушки, подруги невесты, украшали «разноцветными бантиками, тряпочками, цветными бумажками» (РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 145. Л. 5. Ярославская губ.), лентами, свечами, куклой на вершинке (РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 68. Костромская губ.), «различными ленточками и разноцветными бумажками <...>, на ней горят свечи» (Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 13–13об. Ярославская губ.), «бумажками, снятыми с конфетов, <...> разноцветными шелковыми лентами и прилепляют восковые свечи, которые загорают во время сговоров» (РО РНБ. Ф. 775. № 4603. Л. 155; та же губ.), и др., что, собственно, нашло отражение и в поэтических текстах. В частности, на елочке — «девьей красоте» — «зеленые иголки, алые ленточки, восковые свечечки, советские конфеточки» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 251об. Костромская губ.); вар.: «золотые иголки, алые ленточки, сладкие конфеточки» [Русская свадьба 2001: 295, та же губ.]; «[елочка — “девья красота”] Алым ленточкам изувешана, / Крупным жемчугом изунизана, / Золотым перстням изуздевана, / Восковым свечам изуставлена» [Андроников 1905: 44; вар.: Виноградов 1917: 87, та же губ.]; «[“белая березонька” — “девья красота”] горячими слезами заливаётся, алым ленточкам утираётся» (ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 70, та же губ.) и др.

Любопытно, что в текстах свадебной лирики, исполнение которых приурочено к довенечной части свадьбы, «алые ленты» являются устойчивой деталью «портрета» девушки-невесты. Так, девушка просит брата «заступить за дороги ленты алые» (перед отъездом к венцу [Лирика русской свадьбы 1973: 27, № 43]); у нее «алая ленточка затрепана» [Там же: 31, № 51] (вар.: «приюмята» [Там же: 225, № 467]; вар.: «ветерком-то по выдуло» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 57, № 56]). Известен сюжет об игре «в шашки, в игры во турецкие, забавы молодецкие», где девушка проигрывает молодцу «со головушки — вольну волюшку, / Со русой косы алу ленточку» (предсвадебная неделя: [Лирика русской свадьбы 1973: 81, № 153]); сюжет «девушка видит нехороший сон», в котором «расплеталась у ней коса русая, / Выпадала у ней лента алая» [Обрядовая поэзия 1997: 243, № 348]. В песнях и причитаниях, приуроченных к девичнику и утру свадебного дня, невеста сетует, что алые ленточки «оборвала сваха» [Лирика русской свадьбы 1973: 101, № 193], «сповынула крестна матушка» [Там же: 224, № 463], алая лента «выпала из русой косы» [Там же: 102–103, № 196], «осталась недоношена» [Там же: 126, № 246]. Обращается к подруге: «Уж вплети мне алу да ленточку, / Уж перечеси меня по-старому да по-прежнему» [Там же: 226, № 471] (вар.: Архив КГУ, зап. 1999 г. от Голубевой В.И., 1923 г.р., Парфентьевский р-н Костромской обл.). Распространен мотив

неизбежности предстоящего замужества, например «Линейте алыё вы ленточки, / Во моей да русой косыньке! / Вам не долго томить, покрасоватися / Во моей-то русой косыньке» (ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед. хр. 147. Л. 31. Вологодская губ., 1920 г.) и др. Собственно, этот мотив появляется и приговорах девушек на елочку: «Этому дереву не бывать зелено / Молодой молодушке / Не бывать в красных девушках, / Не носить алых ленточек» (РГАЛИ. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 50. Л. 88. Костромская губ., 1919 г.). Приведенные цитаты позволяют заключить, что «алые ленты» в свадебных причитаниях и приговорах являются одной из символических примет девичества¹.

Таким образом, в свадебных приговорах *красный* присутствует в описаниях молодых замужних женщин, жениха, сваты жениха, а также даров, передаваемых невесте от жениха; такая избирательность объясняется ориентированностью ритуала на невесту (см. об этом: [Левинтон 1991: 215–216; Байбурин 1993: 67]. Не случайно в числе окружающих невесту персонажей упоминаются молодые замужние женщины, в характеристиках которых концентрируется информация с положительным значением. Проявляется она прежде всего в номинировании их «молодыми молодимицами», «молодыми молодушками», указании статуса², перечислении деталей одежды, внешности (см. в текстах: «красные (вар.: золотые) кокошнички», «серебряны сережки», «красны сарафаны», «черные брови», «пригожие (вар.: умыльные) взгляды», «гладенькие (вар.: высокие) головушки», «постатные походки» и др.), подчеркивающих такие качества молодых женщин, как статность, пригожесть, дородность, обладание достатком, процветание, а также в реализации темы фертильности, которая возникает через упоминание или метафорическое описание женских гениталий [Крашенинникова

¹ Относительно *алого* любопытно указание В.И. Даля, отмечавшего эмоционально-оценочное значение этого цветообозначения: *алый* употребляется в отношении предметов и цвета «приятных», «почему и милого друга зовут аленьким дружкой» [Даль 1995 I: 12]. В фольклорных текстах, в частности в любовной лирике, песенно-игровом фольклоре, частушках, в «портретных» изображениях возлюбленного/-ой, присутствуют детали одежды алого цвета («алые ленты», «ало платье», «калый кушак» и др.). В текстах этих же жанров *алый* встречается в составе наименований и обращений со значением «милый, любимый, приятный, желанный», например, устойчиво сравнение или название возлюбленного/-ой «аленьким цветочком» (вар.: «алый цвет»), которое в ряде случаев дублируется эпитетом *милый*, например: «А я иду, милашка серит / У канавки маленькой, / Подошел, поцеловал — / Сери, цветочек аленькой» (ИЯЛИ: АФ 1546–24, Прилузский р-н Республики Коми, 2004); «Мне сказали про милого, / Что худой да маленькой; / Посмотрела я в окошко — / Как цветочек аленькой» [Иваницкий 1960: 31, № 142]; «Красна девка, алый цвет, / Скажи, любишь или нет?» [Лирика русской свадьбы 1973: 46, № 86] и др.); в паремиях: «На аленький цветочек лишняя пчелка сядет» (Архив КГУ. Зап. 2004 г. от Неволиной Т.А., 1910 г.р., Костромская обл.), «Алый цвет мил во весь свет» [СРЯ 11–17 вв. 1975 I: 33]. Необходимо сказать и о втором компоненте выражения «алый цвет»: С.М. Толстая отмечает широкое употребление слов с корнями *kras- и *květ- в эмоциональных номинациях и обращениях со значением «милый, дорогой» [Толстая 2008: 131].

² См.: *молодица, молодушка* — молодая баба, <...> *тмб. твр. ярс.* до первой беременности; *вост.* принесшая в первых родах мальчика [Даль 1995 II: 333].

2006: 28–29]. Перечисленные признаки и качества молодых замужних женщин, которые актуализируются в том числе и с помощью цвета, проецируются на невесту.

Синий в приговорах употребляется в отношении разного круга персонажей и явлений; выделяется несколько значений этого цвета¹. Во-первых, в описаниях присутствующих на свадьбе пожилых людей, детей семантика хроматической характеристики *синий* наиболее близка к значению этого цветообозначения в народной культуре, где оно демонстрирует устойчивую связь с понятиями потустороннего, демонического, нечистого, испорченного. С помощью эпитета *синий* характеризуется качество одежды, части тела, физическое состояние названных выше персонажей: упоминается одежда, которая использовалась, как правило, на повседневных работах («синие повязушки», «сини синюхи»), акцентируется внимание на множестве заплат на одежде («сини заплатки»); подчеркивается наличие телесных изъянов, болезненное состояние («сини пупки», «сини желудки», «сини синюшки», «сини брыла» и пр.). В совокупности с другими поэтическими средствами *синий* акцентирует внимание на таких качествах старых людей и детей, как физическая неполноценность, болезненность, уродливость, испорченность, склонность к обману и обжорству, плохое материальное положение. Желание оградить жениха и невесту от этих персонажей воплощается в текстах в достаточно устойчивом мотиве отсылки их на печь, полати, в поле, подполье.

Во-вторых, синее цветообозначение используется при создании коллективного портрета поезжан и в описаниях жениха: применительно к жениху и его мужскому окружению *синий* получает значения 'праздничный', 'красивый', 'дорогой', 'новый', связанные, скорее, с эстетической оценкой. Так, выразительной чертой в лаконичных характеристиках поезжан («молодых добрых молодцев») является наличие синих деталей одежды («синие армяки», «синие штаны», «синие тулупы», «синие кафтаны»). В совокупности с другими поэтическими средствами, которые позволяют описать «молодых добрых молодцев» как физически развитых, духовно состоявшихся, готовых к браку или уже состоящих в браке (характеризуются физические данные, внешность, сексуальная сила, качества характера: храбрость, смелость, удачливость, успешность, ум, доброта), синие детали облачения расцениваются как 'праздничная, богатая, новая, предназначенная для исключительного,

¹ Синему цветообозначению посвящена отдельная работа, к которой и отсылаем читателей [Крашенинникова 2011], в настоящей статье ограничимся лишь выводами без анализа и демонстрации имеющихся материалов.

особого события одежда¹, обнаруживая те же значения и в текстах свадебной лирики, посвященных мужским персонажам¹. Синие детали одежды как примета особого события зафиксированы в нескольких текстах с описаниями невесты («синий кумацънищѣк», «сини чулочки», которые жених преподносил невесте). К персонажам, одетым по-особому, относятся и все приглашенные в дом жениха со стороны невесты гости, для которых на свадьбе установлен своеобразный «дресс-код» — одежда синего цвета («сини сарафаны», «сини кафтаны»). Другими словами, синие детали убранства свадебного поезда, одежды участников ритуала придают всей свадебной ситуации значение особого, исключительного, примечательного события², а синее цветообозначение применительно к жениху, поезжанам наделено положительной семантикой.

Наши наблюдения подкрепляются языковыми данными и примерами из древнерусской литературы. В частности, в ярославском, архангельском, калужском диалектах *синяя одежда* употребляется в значении «праздничная, нарядная одежда» [СРНГ 2003 XXXVII: 328], «праздничная суконная одежда, хотя бы и не синего цвета» (Ростов (Волоцкий)) [Бахилина 1975: 182]. В древнерусских памятниках, датированных XI–XVII вв., лексема *синее* (мн. *синяя*) обозначает драгоценную пряжу, ткань или одежду синего цвета [СРЯ XI–XVII вв. 1999 XXIV: 151]. Н.Б. Бахилина предполагает, что синий цвет одежды для какого-то времени или территории воспринимался как праздничный или как цвет дорогой, городской одежды [Бахилина 1975: 182].

Наконец, в отношении невесты или новобрачных *синяя одежда* (а именно *сини сарафаны*) упоминается в текстах как примета повседневности, обыденности, трудовых будней. Сочетание *сини сарафаны* означает повседневную рабочую одежду, которая будет использоваться молодоженами в дальнейшей жизни и совместных работах. В этом контексте *синий* представляет собой одно из поэтических средств, посредством которого «проговаривается» идея приобщения молодоженов к другой социальной группе.

¹ Например, *синий кафтан* в значении 'новая, дорогая одежда' встречается в текстах свадебной лирики, посвященных мужским персонажам: в величальных песнях тысяцкому («на ем дорого платье, на ем синь кафтан» [Лирика русской свадьбы 1973: 171, № 342; также: 169, № 337]), дружке [Обрядовая поэзия 1997: 305, № 504], жениху («на ём нов-синей да кафтан» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 161, № 14]) и др.

² В свадебных причитаниях *синий* также является цветом жениха и его окружения, но это атрибут «чужой» стороны, а одетые в одежду синего цвета поезжане называются «чужими», «незваными», соответственно синий получает негативный оттенок. Еще один любопытный штрих касается текстов подблюдных песен, предсказывающих свадьбу или смерть: в них одежда синего цвета является единственной изобразительной деталью жениха, девушки.

Еще одно наблюдение касается сочетания, хотя и нерегулярного, в пределах одного текста красного и синего цветов, что указывает на близость символики этих цветообозначений. Так, жених

Жив и здоров и благополучен,
Стоит на вашем широком дворе
С князьям да боярам молодым
На своих резвых ножках,
Во сафьянных сапожках,
В плисовых шароварах,
Красной рубашке,
В синем кафтане,
В суконном тулупе,
Красном шарфе,
Каракульской шапке.
[Васнецов 1894: 286–287]¹

В доме невесты дружка обращается к присутствующим: «Здравствуйте, сватья и свахи, / *Красные и синие рубахи*» (Архив ГЛМ. Ф. 30. Д. 8. Л. 14; Д. 18. Л. 43. Владимирская губ., 1924 г.); описывает свадебный поезд и сани поезжан: «Мы ехали сюда / На добрых конях, / На *красных санях*, / Под *синими полстями*»² [Шейн 1900: 456; вар.: Ефименко 1877: 110]. Дружка преподносит невесте подарки: «Идет от нашего князя молодого, ясного сокола, к княгине-молодице бело мыло, злато-серебро, цветно платье, *сини чулочки, красные башмачки*» [Рогов 1860: 99]. В числе примеров отметим фрагмент приговора девушек, в котором посредством расположенных в определенной последовательности цветов *белый, синий, красный* определяется уровень достатка («бедный — богаче — самый богатый»)³: «Не будьте бедные, не кладите деньги медные, не раздавите тарелки серебряной. Кто в рубашках *беленьких*, кладите и медненьких, кто в *синеньких* — кладите светленьких, которые в *красных рубашках* — кладите деньги бумажные» (РО ИРЛИ. Р. V. Кол. 12. П. 4. № 19. Л. 5. Архангельская губ., 1916 г.)⁴.

В свадебных приговорах еще одним довольно регулярным эпитетом является *цветной*, который употребляется преимущественно в сочетании «цветно платье» (вар.: «цветно-подвенечно

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш.

² *Полсть* — тканый или плетеный ковер, половик [Даль 1995 III: 265].

³ Напоминает характерный для заговоров прием нанизывания цветов, выполняющий классифицирующую функцию [Раденкович 1989: 122–123].

⁴ Кстати сказать, сочетание красного и синего цветов отмечено и в ритуальной одежде участников свадебного обряда. В частности, в Нижегородской области наряд невесты — *москаль* — состоит из синего сарафана с пришитыми к нему красными рукавами, поверх сарафана надевали белый фартук [Никифорова 1997: 80]; в Вологодской губернии невеста венчалась в сарафане из ткани, фон которой образуется из синих нитей основы и красных утка [Шангина 1984: 161] и др.

платье», «цветно портное подвенечное платье»): в текстах это одежда свадебщиков вообще или подарок невесте от жениха, который дружка просит «принять» [Кривошапкин 1865: 106; Зеленин 1904: 18; Гладких 1913: 60 и др.], надеть (вар.: «рядиться», «вздеть») к венцу [Магницкий 1877: 156; РО РНБ. Ф. 775. № 2050. Л. 62об., Ярославская губ., 1883 г. и др.], или дружка заявляет о намерении жениха «[невесту] в цветно платье наряжать и возле себя посадить» [Кривошапкин 1865: 113].

Выражением «цветное подвенечное платье» может быть обозначен весь «набор» даров, например: «[дружка обращается к родителям невесты]: “Благословите нашему новображному князю молодому на новображную княгиню молодую *цветное портное подвенечное платье* привезти; благословите подать, со своей стороны принять”. И дружка с поддрузьем едут к поезду, берут от свахи *подвенечный сарафан, чулки, башмаки, гребень, мыло и покров или большой плат* (которым закрывают невесту при женихе в первые два дня свадьбы до венца и после венца, и который всякий жених непременно обязан доставить в дом невесты), приезжают снова к невесте и вручают подарки теще» [Осокин 1857: 77; см. также: Кривошапкин 1865: 106]. В репликах представителя невесты подчеркивается идея добровольного облачения невесты в «цветное платье» в день свадьбы: «А наша новобрашная княгиня поутру ранешенько ставала, ключевой водой умывалась, чистым полотенцом утиралась, в цветное платье одевалась, новобрашного князя к себе дождалась» (РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 39. Л. 88. Архангельская обл.). Одевание невестой «цветного платья» в приговорах трактуется как ее перерождение и отделение от своей семьи: «[невеста] Съизного перерождается, в цветное платьице наряжается, горячим слезам заливается, шелковым платком утирается, во резвых ногах валяется и просит у вас чистого благословеньица» [Поспелов 1877: 141]; «Княгиня первобрачная / В цветно платье одевается, / С отцом, с матерью расставается» (Архив РГО. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 8. Архангельская губ., 1839 г.).

Причина столь широкого употребления выражения «цветное платье» в отношении невесты объясняется С.М. Толстой, предпринявшей анализ славянской лексики с корнями *kras- и *květ- [Толстая 2008]. Рассматривая слова обоих гнезд, С.М. Толстая отмечает, что в них актуализируются «мотивы физиологической зрелости и производительных потенций человека (естественно, прежде всего в отношении к женщине)», слова с корнями *kras- и *květ- являются «ключевыми вербальными символами всего свадебного текста», преимущественно восточнославянской традиции [Там же: 126]. В контексте этих наблюдений выражение «надеть (вар.: принять) цветно платье», употребляемое в приговорах дружек относительно невесты, символизирует

психологическую и физиологическую готовность девушки к замужеству. Очевидно, что в приговорах «проговаривается» идея добровольного выбора (в ряде текстов указывается, что она сама надевает цветное платье) и желания невесты к изменению социального положения¹. Вероятно, тем, что в текстах приговоров моделируется ситуация «на будущее» (другими словами, проговаривается мысль о венчании как благополучно состоявшемся), можно объяснить редкое упоминание деталей облачения невесты, в большей степени отражающих реальную довенечную ситуацию, описываемую этнографами, при которой невеста к венцу одета «скромно», «однотонно»: только в двух записях середины XIX в. из одного региона зафиксированы своеобразные антонимы к «цветному платью» — «одноцветное платье», «одноцветная юбка» [Кузнецов 1902: 14, 19]².

«Цветно платье» встречается, правда с меньшей регулярностью, в описаниях других персонажей. Так, жених с благословения родителей надевает «цветное платье» [Гуляев 1848: 33; Иорданский 1896: 108; Шейн 1900: 683] перед отправлением к невесте князь

Вставал утром ранёшенько,
Умывался белёшенько,

¹ Напротив, в причитаниях декларируется отказ невесты одеваться в «цветное платье»: «Да не надо мне, мамушка, / Мне-ко платья-то цветново, / Цветново, подвинецьново. / А надо-то мне, молодешеньке, / Серое да сирочкоё» [Балашов, Марченко, Калмыкова 1985: 62]; «цветное платье» при своей внешней красоте оказывается «холодным»: «Не завидуйте, подруженьки, / Моему платью цветному / Сверху оно цветнёхонько, / А ко телу холоднехонько» (Архив КГУ. Зап. 1984 г. от М.И. Краевой, 1899 г.р., Павинский р-н Костромской обл.). Значение «цветного платья» как «чужого» отмечено в свадебном диалоге дружки и матери невесты при передаче невесте подарков от жениха; дружка говорит: «Есть вам цветно платье на плечи, а добры мысли на сёрдцá. Просим вас покорно невесту срядитя и вперед посадитя, а нам ворота отворитя»; мать отвечает: «Наша невеста не нища, в люди не пойдёт, чужо платье не возьмет, изволь ёго принять и у кого взял, тому назад отдать» (Архив РГО. Р. 23. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 8. Нижегородская губ., 1849 г.). Ср. в других жанрах: например, в частушке «цветно платье» становится знаком перемен: «Купи, маменька, машину, / Мне цветное платье шить / Юзки, какси, колме, нелик, / В Ленинград поеду жить» (РО ИРЛИ. Кол. 28. П. 6. Ед. хр. 1. Л. 1. Беломорье); в лирике — счастливого замужества, жизни в согласии и любви: «Снимай, вдова, платье цветное, надевай, вдова, платье черное» [Даль 1995 IV: 572]; «У меня, младой, один старый муж, / Да и тот со мной не в любви живет, / Не в согласице. / Не носись мое платье цветное, / Не белись мое лицо белое! / Не румяньтеса, щечки алие, / Не сурьмитеса брови черныя» (Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 14об. Вологодская губ.).

² Исследователи отмечают преобладание однотонной сине-черной цветовой гаммы в одежде невесты довенечного периода свадьбы и собственно венца. В частности, Г.С. Маслова на основании анализа музейных коллекций делает заключение, что подвенечный сарафан невесты нередко был синего и даже черного цвета [Маслова 1984: 32]; для венчальных костюмов невесты в западных губерниях России выбирались ткани домашней выработки темно-синего цвета [Шангина 1984: 178, 179]; в Вологодской губернии в числе деталей венчальных костюмов городовой невесты упоминается сарафан из шелковой синей ткани [Шангина 1984: 160]. В приговорах дружки, сопровождающих дарение, упоминаются чулки из синей шерсти, которые в числе даров жених преподносил невесте и которые она должна была надеть к венцу (Архив ГЛМ. Ф. 23. Д. 32. Л. 5об. Владимирская губ.). Напротив, послевенечное одевание невесты богато по цветовому наполнению, например усть-цилемская невеста после венца надевала сарафан из «очень яркой полосатой ткани», «вертикальные красные полосы <...> чередуются с узкими полосками белого, желтого, зеленого, фиолетового цветов» [Шангина 1984: 166–167].

Богу помолился,
 У отца-матери благословился,
 В цветно платье одевался,
 В путь-дорогу отправлялся.
 (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Д. 5. Л. 25 об. Заонежье, 1926 г.)

В нескольких текстах «цветное платье» является изобразительной деталью коллективного портрета поезжан, сватки жениха¹: «Наша сватья торовата-торовата, наша сватья ломовата-ломовата, на нашей сватье цветно платье, а на вашей сватье полосато платье» (Архив РГО. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 87. Архангельская губ., 1887 г.); «[предоставьте] нашим добрым молодцам — нов-высок терем, чтобы можно было цветно платье обсушить и русы кудри приубрать» [Воронов 1897: 18]. Зафиксирован текст, в котором цветной и красный синонимичны: «Вы, тет-ки-лебедки, у вас платья *красны* — дайте дорожку, чтоб не ступить вам на ножку, да вашего *цветного* платья не замарать» [Дилакторский 1903: 37].

Несколько слов о цветообозначениях, которые появляются в свадебных приговорах спорадически, с меньшей регулярностью. *Черный* употребляется при изображении «пути-дороги» свадебного поезда (в значении ‘темный, опасный’) и как описательный в портретных характеристиках присутствующих («черны брови» у молодых молодухек, «черны кудри» у жениха, «черные пятки» в значении ‘грязные’ у маленьких детей и др.). Единственной знаковой деталью, которая, возможно, является отражением обрядового одевания невесты по «печали»², является отмеченная в двух записях «черная фата», которой накрыта просватанная девушка: «У нас на девице приметы: сидит она в белом шатре, в высоком терему, в девичьей беседе, в женском порядке, на брусовой лавке, под черной фатой, под белым платком» (Архив РГО. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 35. Архангельская губ., 1854 г.; вар.: Архив РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 129–129об. Вологодская губ., 1891 г.). Относительно *белого* отметим, пожалуй, использование его для изображения знаковых элементов одежды невесты и деталей, подчеркивающих ее состояние: в приговорах упоминаются «бела кикиболка»³ [Гуляев 1848: 46], «белобисерный почелок»⁴

¹ В описаниях обряда разных локальных традиций встречаются сведения о таких отличительных деталях одежды, как цветные пояса у дружек [Козырев 1912: 82; Гура 1979: 167], разноцветные рукавицы у сватки [Шангина 1984: 173] и др.

² Об одевании невесты по «печали» пишет Г.С. Маслова: в Ярославской губ. на рукобитье невеста была одета в темное повседневное платье, голова повязана черным платком таким образом, чтобы не было видно лица [Материалы по свадьбе 1926: 51; цит. по: Маслова 1984: 32].

³ Головной убор, надеваемый невестой после венца [Даль 1995 II: 107]; в вологодских причитаниях зафиксировано сочетание «кика белая» (например: [Иваницкий 1890: 91; Куклин 1900: 109]).

⁴ Арх. головной девичий убор, вроде венца с лентами [Даль 1995 III: 369].

[Ефименко 1877: 110], покрывало (вар.: платок, полотно), «бела-тонка-полотняна занавес» [Серебренников 1911: 43], «бела занавесь» [Тронин 1895: 232], за которой находится невеста во время приезда свадебного поезда (здесь мы не принимаем во внимание такие общенародные эпитеты, как, например, *белы руки, бело лицо, белы белила* и пр.).

Зеленый, желтый зафиксированы в коллективных детских образах для характеристики незрелости, болезненности, недостатков развития: «Маленькие ребятишка, сини опушни, зелены желудки, подопрелыя ноздри, большие лапти, желтобрюхие рехмутники» [Гладких 1913: 58]; «Малые ребята — синие пупки, кривые желудки, зелены сопли» [Поспелов 1877: 140]; «Маленькие ребятки — синие пупки, подплетенные жопки, зеленые сопли» (РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 78. Тетр. 4. Л. 89об. Костромская губ., 1902 г.); «Малыя ребята, косяя заплаты, желтыя сопли» (Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 39. Вологодская губ., 1849 г.); «Маленькие робетенки, / Обо...ые порченки, / Синие пупки, / Зеленые ваши желудки, / Вы глядеть — глядите, / Да соплей с полатай не уроните, / Мне, храброму друженьке, головку не прошибите» [Виноградов 1917: 111] и др.¹ Описательный *голубой* отмечен в нескольких записях из двух граничащих друг с другом губерний; в числе верхней одежды сваты и невесты упоминается «голубая шубонька» (РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 78. Тетр. 4. Л. 82, 85об. Костромская губ., 1902 г.; ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 69. Л. 84, 194; Ф. 179. Оп. 2. Д. 74. Л. 67. Костромская губ.; РО РНБ. Ф. 775. № 2050. Л. 121об. Ярославская губ., 1883 г.).

Таким образом, в свадебных приговорах посредством цвета выражается идея свадебного ритуала (переход жениха и невесты в другую социальную группу), «передается» информация о социальном, физическом, материальном состоянии участников ритуала, выражаются эстетические, эмоциональные оценки (цвет как примета богатства, красоты, превосходства, бедности, болезненности и пр.). Доминируют *красный, синий*; другие колористические характеристики используются с меньшей регулярностью, имеют ограниченную сферу употребления (применительно к какому-либо явлению, персонажу или

¹ В традиционных представлениях желтый соотносится с болезненностью, увечностью, смертью, зеленый — с незрелостью (см.: [Белова 1999б: 305; Усачева 1999: 202]). В фольклорных текстах встречается сочетание этих двух цветообозначений, при этом оба получают негативную символику. Например, Желтней называли мать семи лихорадок, из которых две — желтая, зеленая — номинированы при помощи указанных цветообозначений [Даль 1995 I: 531]. В рекрутской частушке пункт призыва зелено-желтого цвета: «Рекрута вы, рекрута / Вам дорожка не туда / Вам дорожка во приём / Зелена крыша, жёлтый дом» (НМ РК. Д. 200. Л. 175. Княжпогостский р-н Республики Коми). В суеверном рассказе о нанесении порчи водой, которой обмывали покойного, информант так описывает воду: «Это лежачая вода, стоячая вода, пожелтевшая, позеленевшая уже совсем» (АА, 2007, зап. от Швецово Т.И., 1939 г.р., Прилузский р-н Республики Коми).

коллективному образу, например алый — цвет девичества, белый — «знаковых» элементов одежды невесты и деталей, подчеркивающих ее статус и др.). Отметим многозначность *синего*, который употребляется, во-первых, в собирательных характеристиках «нежелательных» персонажей со значениями 'нечистый', 'испорченный', 'больной', 'бедный'; во-вторых, при описании главных персонажей ритуала, преимущественно мужских, со значениями 'повседневный' и 'праздничный', 'дорогой', 'новый', 'лучший', 'предназначенный для особого события'. Сочетание *синего* и *красного* в рамках одного текста указывает на близость значений этих цветообозначений, связанных с эстетической оценкой ('праздничный', 'красивый'). Достаточно регулярно в текстах употребляется эпитет *цветной* в выражении «цветное платье» относительно персонажей ритуала — жениха, сваты, поезжан, однако преимущественно его использование связано с невестой.

Сокращения

АА — Архив автора

Архив ГЛМ — Фольклорный архив Государственного литературного музея

Архив КГУ — Архив фольклорно-краеведческой лаборатории Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова

Архив РАН — Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал

Архив РГО — Архив Русского географического общества

Архив РЭМ — Архив Российского этнографического музея

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАКО — Государственный архив Костромской области

ИЯЛИ — Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд

НМ РК — Национальный музей Республики Коми, фольклорное собрание

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, рукописный отдел

РО РНБ — Российская национальная библиотека им М.Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л.: Наука, 1968–1991; Вып. 27–39. СПб.: Наука, 1992–2005.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 1—. М.: Наука, 1975—.

СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю.С. Сорокина. Вып. 1—. Л.: Наука, 1984—.

СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета; РФ — рукописный фонд

Библиография

Андроников В.А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь: Тип. губ. правл., 1905.

Аргентов Г. Наговоры дружки // Уральский современник: Литературно-художественный альманах. Свердловск, 1940. № 3. С. 176—178.

Аргентов Г. Наговоры дружки // Прикамье: Литературно-художественный сборник. 1941. № 2. С. 101—104.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтиге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985.

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.

Белова О.В. Красный цвет // СД. 1999а. Т. 2. С. 647—651.

Белова О.В. Зеленый цвет // СД. 1999б. Т. 2. С. 305—306.

Васнецов А. Песни Северо-Восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. М.: Типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича, 1894.

Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. 8. С. 71—152.

Воронов Г. Крестьянские свадьбы в Устюжинском уезде Новгородской губернии. Новгород: Губ. тип., 1897.

Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губ. // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь: Электро-тип. «Труд», 1913. Вып. 10. С. 1—76.

Гуляев С. Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные обряды // Библиотека для чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1848. Т. 90. С. 1—47.

Гура А.В. О роли дружки в севернорусском свадебном обряде // Проблемы славянской этнографии. Л.: Наука, 1979. С. 162—172.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Изд. центр «Тerra», 1995.

- Дилакторский П.А.* Свадебные обряды Вологодской губернии // Этнографическое обозрение. 1903. Кн. 56. № 1. С. 25–51.
- Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1877. Кн. 5. Вып. 1. С. 74–132.
- Зеленин Д.К.* Свадебные приговоры Вятской губернии / Зап. и снабдил коммент. Д.К. Зеленин. Вятка: Губ. тип., 1904.
- Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губ. М.: Т-во скоропечатни Левенсон, 1890. (Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 2.; Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 69. Тр. этногр. отдела. Т. 2. Вып. 1).
- [*Иваницкий*] Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.В. Новикова. Вологда: Кн. изд., 1960.
- Ивановский К.* Свадебные обычаи в Городецко-Николаевском приходе Устюгского уезда (Этнографический очерк) // Вологодский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом под ред. члена секретаря комитета Ф.А. Арсеньева. Вологда: Тип. губ. правл., 1881. Т. 2. С. 45–61.
- Иорданский Н.* Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Т. 31 (4). С. 107–113.
- Козырев Н.Г.* Свадебные обряды и обычаи в Островском уезде Псковской губернии // Живая старина. 1912. С. 75–94.
- Крашенинникова Ю.А.* Из наблюдений над символикой цвета в русских свадебных приговорах // Славяноведение. 2011. № 2. С. 71–77.
- Крашенинникова Ю.А.* Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура: Научный альманах. 2006. № 3. С. 23–31.
- Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Императорское географическое о-во, 1865. Т. 1.
- [*Кузнецов*]. Свадебные приговоры дружки по рукописи половины 19 столетия / Сообщил А. Кузнецов // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1902. Т. 72. № 5. С. 8–58.
- Куклин М.* Свадьба у великоруссов // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 45. № 2. С. 79–115.
- Левинтон Г.А.* К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. Т. 1: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. С. 148–152.
- Левинтон Г.А.* Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.

- Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпаковой. Л.: Наука, 1973.
- Лысанов В.Д.* Досюльная свадьба: Песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губ. / Собр. и излож. в драматической форме В.Д. Лысановым. Петрозаводск: Сев. скоропечатня Р.Г. Кац, 1916.
- Магницкий В.* Песни крестьян с. Беловожского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань: Унив. тип., 1877.
- Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984.
- Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: [Комисс. по устройству студенч. этногр. экскурсий], 1926. Вып. 1.
- Микитенко О.О.* Колористический код погребального оплакивания (балканославянские и украинские параллели) // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М.: Гос. респ. центр. рус. фольклора, 2007. Т. 4. С. 23–29.
- Никифорова О.В.* Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. Т. 1.
- Обрядовая поэзия. Кн. 2: Семейно-бытовой фольклор / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Русская книга, 1997.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 18-е изд., стереотип. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1987.
- Ордин Н.Г.* Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1. С. 51–121.
- Осокин С.* Сельская свадьба в Малмыжском уезде // Современник. 1857. № 1. С. 54–87.
- Поспелов М.М.* Свадебные обычаи Ветлужского края Макарьевского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом. Нижний Новгород, 1877. Т. 6. С. 107–155.
- Раденкович Л.* Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 122–149.
- Рогов Н.А.* Материалы для описания быта пермяков. М.: тип. Грачева и К°, 1860. (Пермский сборник. Повременное издание. Кн. 2. Ч. 2).
- Русская свадьба: В 2 т. / Сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов. М.: Гос. респ. центр. рус. фольклора, 2001. Т. 2.
- Серебренников В.Н.* Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступительной статьей А.Д. Городцова) // Материалы по изучению Пермского края. Пермь: Электро-тип. «Труд», 1911. Вып. 4. С. 1–68.
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под общ. ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970–1971.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. М.: Знак, 2003.

- Толстая С.М.* Семантический параллелизм *kras- и *květ- // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 121–134.
- Тронин П.* Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка: Губ. тип., 1895. С. 214–244.
- Усачева В.В.* Желтый цвет // СД. 1999. Т. 2. С. 202.
- Шангина И.И.* Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.: Наука, 1984. С. 156–213.
- Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах: Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. СПб.: Изд. Импер. Акад. наук, 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 345–835.